
П. Н. ТРЕТЬЯКОВ
ОБ ИСТОКАХ КУЛЬТУРЫ
РОМЕНСКО-БОРШЕВСКОЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГРУППИРОВКИ

1

В течение последних десятилетий в Поднепровье и смежных с ним областях были обнаружены и исследованы многочисленные раннесредневековые славянские древности — места поселений и могильники с трупосожжениями. При этом оказалось, что накануне возникновения древнерусского государства, в третьей четверти I тысячелетия, культура восточнославянских, как и западнославянских, племен в разных местностях имела свои локальные особенности. В большинстве случаев, судя по археологическим данным, они были незначительными, отнюдь не затрагивающими основных черт культуры и быта. Их можно назвать «диалектными», не нарушавшими общности раннесредневековой славянской культуры в целом. Тем не менее эти особенности представляют первостепенный интерес. Они раскрывают перед археологией некоторые возможности изучения древних судеб отдельных славянских группировок, их взаимоотношений между собой и с неславянскими соседями, передвижений славянского населения и т. д.

Наиболее существенными были особенности, отличавшие славяно-русские группировки юга, т. е. лесостепи и южных частей лесной зоны Поднепровья и Поднестровья, и лесного севера. Они были следствием не только различной природной среды, обусловившей неодинаковые формы хозяйства и быта, но и того, что на севере славяно-русские группировки сложились при наличии мощного и неоднородного балтийского субстрата. На северных и северо-восточных окраинах, помимо этого, славяне сталкивались с финно-угорскими племенами, совсем чуждыми им по культуре. На юге у славяно-русского населения имелись совсем другие соседи.

Менее заметными были особенности, свойственные населению разных частей славянской лесостепи. Но и здесь археологи отличают волынскую «культуру Корчак» от культуры ранних поднепровских, тясминских и южнобужских поселений. Некоторыми особенностями обладают древности третьей четверти I тысячелетия в Верхнем Поднестровье и поречье Западного Буга. Мне представляется, что особенности культуры этих южных группировок, находящихся в более или менее равноценных природных и исторических условиях, имели глубокие исторические и этногенетические корни. Так, раннесредневековые среднеднепровские (тысминские, южнобужские) славяне, по моему глубокому убеждению, были потомками раннеславянских зарубинецких племен, в первых веках нашей эры обитавших в северных частях Среднего Приднепровья и южной части Верхнего Приднепровья, в частности на Десне¹. «Культура Корчак» имела какую-то

¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 190—220, 240—272; его же.— Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1968, 4.

иную основу, может быть также зарубинецкую, но усложненную некогда милоградским субстратом. В таком роде высказывался по давнему поводу В. П. Петров². По мнению львовских археологов, раннесредневековая славянская культура в области верхнего течения Днестра и Западного Буга сложилась, возможно, на основе своеобразного северо-западного (предположительно славянского) варианта черняховской (я бы сказал, «получерняховской») культуры³. Местные процессы между Днестром и Днестром были усложнены при этом передвижениями славянского населения в античное время на юг, а с появлением аварских племен — и на запад.

Одной из локальных группировок славяно-русского раннесредневекового населения, археологическое изучение которой насчитывает уже около столетия, является роменская или роменско-боршевская, распространенная в Левобережье Среднего и Верхнего Днестра, на Верхней Оке и в верховьях Дона. Когда-то роменские городища рассматривались в нашей литературе как характерные памятники дофеодальной восточнославянской культуры. Их время определялось тогда в широких хронологических рамках — не только концом I тысячелетия, но и третьей четвертью этого тысячелетия — антским периодом. Заслугой И. И. Ляпушкина было определение точной даты этих городищ в области днепровского лесостепного Левобережья. Оказалось, что они относятся здесь к IX—X вв., может быть, — к самому концу VIII в., но никак не к антскому времени. К такому же выводу пришли исследователи группы городищ в области Верхнего Подонья⁴. Иными словами, роменская культура — это левобережная культура периода возникновения древнерусского государства.

Каковы же особенности культуры населения роменских городищ, представленные в археологических материалах? Чем выделяются эти древности среди остатков культуры других группировок древнерусского населения? Только определив эти особенности и проследив их истоки, возможно будет подойти к вопросу о путях формирования древнерусской левобережной раннесредневековой группировки.

В современной археологической литературе термин «роменская» или «роменско-боршевская культура» обычен. В его правомерности никто никогда не сомневался, он воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Но вместе с тем в литературе нет четкого определения специфических особенностей роменско-боршевских древностей. Это объясняется, по-видимому, тем, что археологов-славистов до сих пор интересовали не столько специфика роменско-боршевской культуры, сколько те черты, которые неразрывно связывали ее с культурой других областей раннесредневекового славянского мира. Особое внимание этим чертам уделяли и продолжают уделять исследователи, полагающие, что расселение славян и появление их в пределах нашей страны — факт относительно позднего времени, кануна средневековья. Общие черты культуры восточных и других славянских группировок рассматриваются при этом как наследие их непосредственных общеславянских предков.

Крупнейшим специалистом в области роменско-боршевских древностей являлся И. И. Ляпушкин. В своих работах он особо выделял роменскую культуру, определял ее границы, указывая, в частности, что ее западные рубежи в Левобережье проходили по нижнему течению Десны, Сулы и Ворсклы. Он писал, что в Левобережье «за этой линией вплоть до берегов Днестра ясно выраженные поселения роменско-боршевского типа неизвест-

² В. П. Петров. Памятники корчакского типа. МИА, 108, 1963.

³ В. Д. Баран. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований. Доклад на совещании по проблемам черняховской культуры. Львов, февраль, 1968.

⁴ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948, стр. 55; А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 142—151.

ны»⁵. Но в большинстве случаев его интересовало другое, а именно общеславянские элементы роменской культуры. И. И. Ляпушкин писал, что «памятники роменского и близкого им типа... распространены не только в Левобережье, но и в Правобережье, и в бассейне Южного Буга и Днестра и далее на запад и юго-запад за пределами нашей территории — в Чехословакии, Польше, Румынии и Болгарии»⁶. С особенной категоричностью говорилось об этом в статье «К вопросу о культурном единстве славян». Там указывалось, что славянские раннесредневековые древности повсюду — от Поднепровья до Румынии и Чехословакии — «не только близки, но в некоторых случаях просто ничем не отличаются друг от друга», что чешская раннесредневековая керамика (пражского типа) «ничем не отличается от наших памятников», что славянские древности раннего средневековья обнаруживают «поразительное сходство материальной культуры». И. И. Ляпушкин полагал, что днепровское Правобережье было занято славянами в третьей четверти I тысячелетия, а в Левобережье они продвинулись лишь в VIII в.⁷

То, что раннесредневековые славянские древности действительно имеют ряд общих и при этом существенных особенностей — факт бесспорный. Они заметно отличаются от синхронных им германских, лето-литовских (балтийских), салтово-маяцких (принадлежащих разноэтничному населению западной Хазарии) или древностей поволжских финно-угров и т. д.

Но тем не менее заметные локальные особенности, отличающие отдельные группы раннесредневековых славянских древностей, как уже говорилось выше, бесспорно имеются; роменско-боршевская группировка не составляет в этом отношении какого-либо исключения. И не случайно правобережные раннесредневековые древности в археологической литературе роменско-боршевскими никогда не называются. На локальные особенности раннесредневековых древностей пристальное внимание обращают археологи, полагающие, что славянское расселение — это не кратковременный, а весьма продолжительный период, начавшийся еще задолго до раннего средневековья. Восточные славяне, согласно этой точке зрения, прошли в области Поднепровья сложный и длительный путь исторического и этногенетического развития. Их раннесредневековые группировки ведут начало не от общеславянского предка, а от различных древних подразделений славянского мира (пшеворских, зарубинецких, некоторых северных черняховских). Мне представляется, что данная точка зрения находит все больше и больше подтверждений в фактических материалах. Такая картина древних судеб славян является несравнимо более реалистичной и соответствующей нашим общим представлениям об исторической жизни Европы I тысячелетия, чем картина однократного расселения раннесредневековых славян в VI—VII вв. из пределов первичной «родины», где сложились якобы все характерные для раннего средневековья особенности их культуры.

Упорные и многолетние поиски этой мифической «родины», как известно, не привели к каким-либо положительным результатам. Но иначе не могло и быть. Мысль, что славяне вплоть до третьей четверти I тысячелетия не выходили из пределов небольшой территории, которую археологи искали чаще всего в Повисленье, явно противоречит всему тому, что известно о варварском мире Средней и Восточной Европы по историческим и археологическим данным.

Конечно, расселение славян продолжалось, более того — усилилось в третьей четверти I тысячелетия. В это время они значительно расширили

⁵ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 217.

⁶ Там же, стр. 356.

⁷ И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Сб.: «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 203, 205, 207, 208.

свою территорию на севере, северо-востоке, северо-западе и особенно на юге, заселив обширные области на Балканском полуострове. Но нельзя думать, что плацдармом раннесредневекового расселения была небольшая и при этом безнадежно затерявшаяся сейчас территория. Стать хозяевами чуть ли не половины Европы, занявшими большие пространства в землях балтов, германцев и многоязычного населения Балканского полуострова, заставившими трепетать Византийскую империю, могли лишь многочисленные племена. И это были не просто завоеватели. Они колонизовали занятые ими области и ассимилировали жившее там местное население. Не следует при этом забывать, что уровень культуры славян в целом был не выше, чем у населения занятых ими областей, а на Балканах значительно ниже. В этих условиях ассимиляция славянами местного населения была возможна лишь при наличии их численного превосходства.

Все это говорит о том, что славяне действительно были многочисленными племенами и, конечно, не только в VI—VII вв., в период расселения, но и много раньше. А принимая во внимание уровень их древней культуры, лимитирующий плотность населения, обширной была и их древняя родина. Каждая эпоха, как учит нас демография, имеет свои возможности плотности и роста численности населения, и славяне, конечно, не составляли какого-либо исключения.

Поэтому правы те историки, археологи и лингвисты, которые считают, что область древних славян была весьма значительная европейская территория, включавшая на западе бассейн Верхней Вислы, а может быть, и часть поречья Одера, а на востоке — бассейн Среднего Днестра.

Естественно, что жившие здесь с «незапамятных времен» первобытные славянские племена не могли иметь общей единой культуры. Они не были народом, так как еще не достигли той ступени развития, когда складываются такого рода общности. Подобно культуре кельтов, германцев, балтов и других древних племен, первобытная славянская культура распалась на ряд вариантов, облик которых и их отношение друг к другу не раз менялись, особенно в беспокойные времена I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.

Общие черты в культуре раннесредневековых славян, которые сторонниками «небольшой прародины» рассматриваются в качестве основного доказательства совместной жизни всех славян в пределах небольшой территории вплоть до середины I тысячелетия, доказательством этого отнюдь не являются. Конечно, культура — явление сложное, ее отдельные элементы имеют нередко длительную историю. Отдельные элементы в культуре раннесредневековых славян также являлись древним наследием. Таковы, например, жилища-полуземлянки или обряд трупозожжения. Несмотря на то, что и эти элементы культуры в течение веков так или иначе видоизменялись, изучение их эволюции дает очень много для понимания древних этнических процессов. Но в целом раннесредневековая славянская культура не являлась чем-то древним, традиционным. Прежде всего, она продукт своего времени — результат развития славянских племен в период распада первобытного строя, итог их истории, передвижений, политических и культурных связей в послеримское время, в период «великого переселения народов», к исходу которого славяне заняли одно из центральных мест в исторической жизни Средней, Восточной и Южной Европы.

Поэтому поиски каких-то древних славянских племен с единой культурой — мнимым концентратом и праобразом характерных черт славянской культуры раннего средневековья, поиски небольшой территории этих племен — занятие, по моему убеждению, явно обреченное на неудачу, идущее вразрез нашему пониманию исторического процесса в Европе накануне средневековья.

Обо всем этом мне приходилось писать уже не раз, причем значительно подробнее и обстоятельнее, чем сейчас, с необходимой аргументацией. Но традиционные гипотезы являются, к сожалению, особенно живучими. По-

этому, прежде чем перейти к теме настоящей статьи, я был вынужден еще раз сказать несколько слов по поводу традиционной концепции древней славянской истории, по моему мнению, давно устаревшей.

2

Вернемся к роменско-боршевской культуре, к вопросу о ее «этнографических» особенностях, не свойственных другим группировкам раннесредневековых славян. Такие особенности у «роменцев» действительно имелись, причем в археологических данных они выступают более отчетливо, чем особенности, отличавшие друг от друга различные днепровские правобережные или западные славянские группировки раннего средневековья. Анализ роменских особенностей приводит к выводу, что левобережные «роменцы» VIII—X вв. отнюдь не являлись потомками перешедших через Днепр группировок правобережного славянского населения.

То, что у «роменцев» среднеднепровского Левобережья были распространены укрепленные поселения, расположенные на труднодоступных местах, сравнительно редко встречающиеся в третьей четверти I тысячелетия на Правобережье, «этнографическим» признаком служить не может. Характер поселений в данном случае предопределила, прежде всего, историческая обстановка — соседство с беспокойным миром степей. Северные «роменцы», обитавшие в верховьях Десны или на Верхней Оке, т. е. в отдалении от кочевников, нередко жили в открытых деревнях. В настоящей статье я не буду говорить об особенностях в устройстве жилищ-полуземлянок. Незначительные особенности здесь, по-видимому, имелись. Но они требуют специального изучения, чем сейчас занимается П. А. Раппопорт. Судя по материалам исследованного И. И. Ляпушкиным Новотроицкого городища, известным своеобразием отличался у «роменцев» набор женских украшений, являвшихся в тот период существенным «этнографическим» признаком. Но было бы неосторожным делать какие-либо выводы по материалам одного городища и по тем отдельным находкам украшений, которые были сделаны на некоторых других городищах, подвергшихся раскопкам.

Очень существенным «этнографическим» признаком роменско-боршевской культуры являются детали погребальной обрядности. На левобережье Среднего Днепра погребальные памятники «роменцев» остаются почти неисследованными, если не считать нескольких могильников с сожжениями волынцевского типа. Одни археологи рассматривают их совместно с соответствующими им поселениями в качестве особой группы — волынцевской, другие не отличают волынцевские древности от обычных роменских. К этому спорному вопросу я вернусь в заключение этой статьи. В поречье Десны имеются роменские курганы с деревянными камерами, куда помещались результаты кремации, и деревянными оградками. Такие же курганы характерны для «роменско-боршевцев» Верхнего Подонья. Указание А. Н. Москаленко на наличие в курганных могильниках IX—X вв. в Верхнем Подонье также и других, упрощенных по своему устройству курганов⁸, сути дела не меняет. Столь же характерны курганы с деревянными камерами и оградками для «роменцев» бассейна Верхней Оки. Таким образом, этот признак можно рассматривать как роменскую особенность, хотя и с некоторой оговоркой. Единичные раннесредневековые курганы с остатками деревянных сооружений, известные в других славянских землях, от роменских в деталях отличаются.

Наиболее яркой особенностью культуры «роменцев», представленной на всей их территории и неизвестной за ее пределами, является их специфическая керамика. Она содержит комплекс признаков, отличающих ее от глиняной посуды других раннесредневековых славянских группировок.

⁸ А. Н. Москаленко. О возникновении древнерусских поселений на Дону. «Вопросы истории славян», 2, Воронеж, 1966, стр. 114—145.

А так как эта керамика делалась от руки, в домашних условиях, она является бесспорно полноценным «этнографическим» материалом.

Особенно типичны для роменской культуры высокие горшки с отогнутым наружу венчиком, плечиками, расположенными вверху сосуда, сужающимся конусообразно туловом и относительно узким плоским дном. Высота сосуда превышает его наибольший диаметр. Профиль тулова образуют прямые линии или, что особенно характерно, вогнутые. Выпуклый профиль встречается редко и, по-видимому, в более позднее время или же на поселениях, рано познакомившихся с посудой, сделанной на гончарном круге. Особенно однообразна и характерна посуда данного типа в верхнем течении Десны, Оки и Дона. Но и на левобережье Среднего Днепра этот тип посуды преобладает.

Встречаются иногда сравнительно низкие и широкие сосуды подобного типа. Их будет правильнее отнести к категории мисок. Большинство из них отличается более тщательной обработкой поверхности, что у больших и высоких сосудов встречается сравнительно редко. Обычно высокие сосуды очень грубы, их поверхность неровна и бугриста из-за выступающих зерен примесей к глине. В отличие от сосудов с грубой неровной поверхностью, гладкостенные сосуды являлись, вероятно, столовой посудой.

Другой формой роменской посуды являются горшки с вертикальным цилиндрическим венчиком, обычно более широкие, чем посуда первого типа, и чаще имеющие гладкую поверхность. Такие сосуды также встречаются во всех роменских областях, но сравнительно в небольшом количестве. Это менее характерная форма.

Обе охарактеризованные выше формы сосудов неизвестны ни на днепровских поселениях типа Пеньковка-Волошское, ни в «культуре Корчак» на Волыни. Ближе всего к роменской стоит лепная посуда Каневского поселения. Но она всегда имеет выпуклобокий профиль. Отличается от роменской лепная посуда с Южного Буга и из Поднестровья. Особенно же заметно отличается от нее по форме западнославянская керамика «пращского типа», имеющая яйцевидные очертания. Я не буду описывать здесь формы лепных сосудов из разных старославянских земель, а отошлю читателя к вышедшей в 1966 г. книге академика Я. Айзнера, большой раздел которой посвящен славянской керамике⁹.

Конечно, во всех раннесредневековых славянских областях при желании можно отыскать сосуды, по форме похожие на роменские. Но это будут отдельные, не характерные для этих областей экземпляры, встречающиеся преимущественно среди посуды небольших размеров.

Сделанная от руки раннесредневековая глиняная посуда во всех славянских землях — от Днепра на востоке и до Эльбы на западе — никогда не имела орнаментации. Исключение составляют лишь те случаи, когда «финальная» лепная керамика сосуществовала с ремесленной, сделанной на гончарном круге. В этих случаях на лепной керамике иногда появляется узор, подражающий орнаментации ремесленной кружальной посуды. Все это общеизвестно и не требует аргументации.

Единственным исключением среди славянской лепной керамики в этом отношении является роменско-боршевская. До половины сосудов имеют здесь украшение. Речь идет при этом о чрезвычайно своеобразной типично роменско-боршевской орнаментации, а не о линейно-волнистой орнаментации, подражающей узорам на кружальной посуде, богато представленной, например, на Новотроицком городище¹⁰.

Орнамент на роменско-боршевской посуде располагался по плечикам и наносился зубчатым (гребенчатым) штампом или штампом из «перевитой веревки». Отпечатки штампа, поставленные косо, составляли ряды

⁹ I. Eisner. *Rukovět slovanské archeologie*. Praha, 1966, стр. 137—312.

¹⁰ И. И. Ляпушкин. *Городище Новотроицкое*. МИА, 74, 1958, стр. 36, 37 сл.

(ординарные или двойные), «елочку», зигзаг (ординарный или двойной), а иногда и более сложные геометрические комбинации, напоминающие узоры на посуде эпохи бронзы. Архаичный облик придают роменско-боршевской керамике и отпечатки штампа по краю венчика; нередко венчик украшался отпечатками пальца или защипами. Ряд ямок, нанесенных пальцем, бывает иногда на плечиках сосуда. Не всякий роменский черепок — обломок венчика с отпечатками пальцев или защипами — можно отличить от скифского, хотя их и разделяют без малого полторы тысячи лет!

Если исходить из предположения, что роменцы — это первые славяне на среднеднепровском Левобережье, переселившиеся сюда на исходе третьей четверти I тысячелетия из Правобережья, то необходимо, очевидно, объяснить, почему в их среде распространилась такая своеобразная керамика, изобилующая при этом явно архаическими чертами. Принести ее с собой они не могли, это вполне очевидно. Трудно предположить, что это продукт их творчества, появившийся после переправы на левый берег Днепра. Уж очень не в духе эпохи было бы такое «нововведение». Нельзя также указать в лесостепном Левобережье и на какой-либо субстрат, наследием которого могли бы явиться отличительные черты роменской посуды. Соседей с подобной керамикой здесь тоже не было.

В последние годы стало известно, что в Левобережье роменско-боршевские племена имели предшественников, по-видимому, непосредственных, древности которых, относящиеся к третьей четверти I тысячелетия, раньше ускользали от внимания археологов. Люди, оставившие эти древности, жили в небольших поселках, расположенных по берегам рек, преимущественно на невысоких местах. Жилищами им служили квадратные полуземлянки, размером в среднем 4×4 м, с очагами или печами в правом заднем углу (считая от входа); около жилищ сооружались хозяйственные постройки, в частности ямы-погребки колоколовидной формы. Рядом с поселениями располагались могильники с трупосожжениями, урновые или безурновые. Другими словами, эти древности по всем своим основным признакам входят в круг раннесредневековой славянской культуры. Судя по формам лепной глиняной посуды (нередко ребристым, биконическим), совсем не похожей на роменскую, эта дороменская группировка составляла одно целое со славянским населением третьей четверти I тысячелетия, обитавшим вдоль правого берега Среднего Днепра от Киева до Надпорожья, на Тясмине и на смежных участках поречья Южного Буга. Древности этого рода во множестве выявляются на Десне в нижнем и среднем ее течении; они обнаружены на Сейме, в верховьях Сулы и Псла. Подобные им древности в большом числе известны в могилевском и гомельском Поднепровье, где они впервые были обнаружены еще в начале нашего века (Новобыховский могильник и др.).

В северных частях Верхнего Поднепровья древности третьей четверти I тысячелетия имеют совсем другой облик. По общему мнению, они оставлены восточнобалтийскими племенами¹¹.

Существенно, что никаких предроменских элементов в Левобережной культуре третьей четверти I тысячелетия не обнаружилось. Новые археологические открытия, показавшие, что «роменцы» были отнюдь не первыми славянами на днепровском Левобережье, не внесли, следовательно, ничего нового в решение вопроса о происхождении культуры населения роменско-боршевских городищ. Они лишь окончательно доказали, что

¹¹ П. Н. Третьяков. О древнейших русах и их земле. Сб.: «Древняя Русь». М., 1968; его же. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне; В. А. Ильинская. Разведка в днепровском Левобережье. Сб.: «Археологические исследования на Украине в 1965—1966 г.». Киев, 1967; Л. Д. Побаль и А. Г. Митрафанаў. Проблема расселения славян на территории Беларуси в I тысячелетия н. э. ВАН БССР, 2, 1966, сер. грамад. н., стр. 50—52.

«этнографические» особенности этого населения не могли быть наследием местного субстрата.

Где же следует искать истоки этих особенностей, где сложилась роменско-боршевская культура?

3

Для меня этот вопрос имеет почти сорокалетнюю давность. Впервые он встал передо мной на рубеже 20-х и 30-х годов, когда я обрабатывал материалы из раскопок П. П. Ефименко на воронежских городищах (Большое и Малое Боршевское и др.) и когда в Верхнем Поволжье начались большие «новостречные» археологические исследования.

В 1933 г. я произвел небольшие раскопки на селище Красный Холм (Попадьинское) выше Ярославля на правом берегу Волги. Селище относится к познедьяковским середины I тысячелетия. Я был поражен тем, что многие сосуды по плечикам имели геометрический орнамент, близко напоминающий роменско-боршевский, хотя формы сосудов в большинстве случаев были иными. В те же годы подобная керамика была обнаружена в верхних слоях других верхневолжских дьяковских городищ — на Ивановском, Пекуновском, на городище у с. Городище около г. Калязина и др. Было отмечено, что ей сопутствуют обломки лощеной черной керамики мощинского (верхнеокского) типа, которая была встречена и на селище Красный Холм. Обломки посуды с узорами, напоминающими роменские, оказались и на некоторых городищах, исследованных еще в начале нашего века, например на Топорке¹². Но нужно отметить, что кроме селища Красный Холм, где такая керамика составляла заметный процент (5—6%), на других синхронных поселениях (городищах) встречались лишь отдельные такие черепки. А на многих городищах их совсем не было найдено. Например, на известном Березняковском городище, раскопанном полностью, откуда происходит свыше тысячи обломков от 100—120 глиняных сосудов, среди них не было ни одного с орнаментом, напоминающим роменский. А это городище расположено на правом берегу Волги всего лишь в нескольких десятках километров от селища Красный Холм, относится примерно к тому же времени и в основном однотипно с ним по находкам. В частности, на Березняковском городище также были найдены обломки нескольких сосудов с черной лощеной поверхностью.

Значительно в большем количестве керамика с орнаментацией, похожей на роменскую, встречена в бассейне Верхней Оки, в частности на городищах поречья Москва-реки. Такие находки были сделаны еще на Дьяковском городище, но осталось неясным, с каким из верхних слоев они связаны и не являются ли они подлинными роменскими. То же самое можно сказать о керамике Синьковского городища и ряда других городищ западной части Волго-Окского междуречья, известных в начале нашего века¹³. Раскопки дореволюционного времени на городищах Верхней Оки также не давали возможности внести ясность в вопрос о керамике, близкой или похожей на роменскую, единично встречающуюся на некоторых городищах.

Исследования последних десятилетий, произведенные на городищах бассейна Москва-реки и Верхней Оки, хотя и не дали исчерпывающий ответ на интересующий нас вопрос, но тем не менее внесли в него значительную ясность. Повсюду на городищах здесь имеются по два основных культурных слоя: верхний древнерусский, начальная хронологическая граница которого относится к XI, может быть иногда к X в., и нижний слой, охва-

¹² П. Н. Третьяков. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции. ИГАМИК, 109, 1935, стр. 118, 119; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 96, 128 и др.; Ю. Г. Гендунев. Городище Топорок Тверской губернии Корчевского уезда. Тр. II Обл. Тверского АС. Тверь, 1906, стр. 267.

¹³ В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Тр. IX АС, II, М., 1897, стр. 258, 262, табл. XXIV; А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, VII, 1, СПб., 1905, стр. 85—90.

тывающий середину и вторую половину I тысячелетия до н. э. и несколько столетий I тысячелетия н. э. Во всех случаях между древнерусским и нижним слоями имеется хронологический разрыв в несколько столетий, в течение которых эти пункты пустовали. Другими словами, здесь наблюдается в основных чертах точно такая же картина, что и на городищах соседних территорий — поречья Десны, Верхнего Днепра и Волги. И там древние городища, содержащие остатки культуры раннего железного века, в хронологических рамках первой половины I тысячелетия (в одних местах в начале, в других в конце этого периода) повсеместно были оставлены своими обитателями, которые с этого времени стали жить на открытых поселениях, широко раскинувшихся на невысоких, удобных для жизни берегах рек. Причины этого следует искать во внутренних социально-экономических процессах — распаде большесемейных патриархальных общин, поселениями которых служили древние городища.

В древнерусское время многие пустующие городища обрели новых хозяев, они стали местами феодальных усадеб или других укрепленных поселений, от которых остались верхние культурные наслоения.

Такая картина отмечена М. В. Воеводским для поречья Десны, где на многих юхновских городищах после нескольких веков запустения сооружались древнерусские поселения. Так же обстояло дело в Верхнем Поволжье. В Верхнем Поднепровье начиная с первой половины или середины I тысячелетия жизнь на древних городищах также повсеместно прекратилась, но некоторые из них продолжали использоваться как убежища и святилища, пока в древнерусское время они не стали местами феодальных усадеб или центрами возникающих городов¹⁴.

В бассейне Верхней Оки и на Москва-реке древние (дорусские) культурные наслоения городищ распадаются (если отвлечься от деталей и локальных различий) на три основных горизонта. Первый, древнейший, относится к I тысячелетию до н. э. и представлен остатками культуры раннего железного века, близкой культуре древнейших городищ смоленского Поднепровья и среднего течения Западной Двины. В археологической литературе эта культура, принадлежавшая, судя по всему, одной из группировок восточно-балтийских племен, получила наименование днепродвинской. Второй горизонт представлен остатками культуры первых двух-трех веков нашей эры, по всем основным признакам соответствующей позднеюхновской культуре Подесения. Мной было высказано предположение, поддержанное и другими археологами, что на Верхнюю Оку и в западные области Волго-Окского междуречья в это время проникла какая-то часть юхновского (также восточнбалтийского) населения, теснимого с юга раннеславянскими зарубинецкими племенами. На многих верхнеокских городищах юхновский горизонт завершает свиту древних напластований и перекрывается после семисотлетнего перерыва древнерусским культурным слоем.

Но на некоторых древних городищах жизнь не прекращалась, и их наслоения имеют третий горизонт, относящийся к середине I тысячелетия, культура которого носит наименование мощинской по имени известного Мощинского городища. Таковы Огубское городище, Никола-Ленивец, Дешовское и ряд других, жизнь на которых продолжалась вплоть до середины и третьей четверти I тысячелетия.

По всем данным, культура третьего горизонта принадлежала тому же балтийскому населению, которое жило здесь и в начале нашей эры. Но это население к этому времени испытало на себе мощное влияние со стороны продвинувшихся в верховьях Десны, а может быть и еще дальше на север, уже упомянутых выше раннеславянских зарубинецких племен. За-

¹⁴ М. В. Воеводский. Городище Верхней Десны. КСИИМК. XXIV, 1949; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 33, 44, 69, 83—85; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 41.

рубинецкие истоки ряда элементов в мощинской культуре совершенно очевидны (лощенная керамика, железные изделия и др.). Их признают и те археологи, которые не разделяют мопх взглядов на зарубинецкие племена, например В. В. Седов. При этом зарубинецкое влияние представлено особенно ярко в более южных областях, ближайших к зоне зарубинецких поселений. В более северных областях, скажем на Москва-реке и Волге, зарубинецкое влияние уже почти не прослеживается. Местные городища этого времени мощинскими не называются, но в их культуре исследователями всегда отмечаются отдельные мощинские черты¹⁵.

Генетическая преемственность от верхнеокской культуры первых веков нашей эры, близкой юхновской, до мощинской культуры середины I тысячелетия (в широких рамках) прослеживается по ряду элементов, прежде всего по характеру домостроительства, а также по грубой лепной посуде, составляющей и в мощинское время подавляющее количество керамического материала. Эта керамика нередко бывает орнаментирована в верхней части несложными узорами, продолжающими тысячелетние юхновские традиции. Но в этой орнаментации вместе с тем все большее место начинают занимать геометрические узоры, исполненные гребенчатым (зубчатым) штампом или «перевитой веревочкой», напоминающие роменско-боршевские. Появление таких узоров было зафиксировано еще на Десне — в верхних слоях юхновских городищ¹⁶. На этом основании В. П. Левенком было высказано некогда предположение, что роменская культура сложилась на базе юхновской. Но эта мысль не получила тогда признания, так как между той и другой культурой в бассейне Десны лежал хронологический интервал, протяженностью в три четверти тысячелетия. Но на Верхней Оке и ее притоках, куда зарубинецкие племена в начале нашей эры не проникли, где продолжали жить восточные балты, хотя и подвергавшиеся зарубинецкому влиянию, дело обстояло иначе. Там позднеюхновские элементы получили дальнейшее развитие.

Сошлюсь лишь на упомянутые выше памятники. На городище у дер. Никола-Ленивец на р. Угра, исследованном Т. Н. Никольской, среди керамики верхнего слоя, относящегося к середине I тысячелетия, имеются отдельные обломки сосудов, украшенных зубчатым чеканом или «перевитой веревочкой». На Огубском городище в слое мощинского времени «некоторые обломки сосудов очень близки керамике ранних городищ роменского типа». Причем формы сосудов на обоих городищах также приближаются к роменским. На Дешовском городище этого же времени на грубой лепной керамике среди орнаментов позднеюхновского типа встречаются отпечатки гребенки. Подобные же городища с отдельными роменскими элементами на керамике обнаружены Е. А. Шмидтом в верхнем (смоленском) течении р. Угры¹⁷.

Такие же «предроменские» элементы налицо на керамике Барвихинского городища около Москвы, хотя и здесь они количественно уступают позднеюхновским¹⁸. Больше всего таких элементов обнаружилось на керамике Троицкого городища в верховьях Москва-реки. При том из слоя в слой, от более древних горизонтов к поздним, их число увеличивалось. И. Г. Розенфельдт, изучившая керамику Троицкого городища, говоря

¹⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 173, 231, 236.

¹⁶ В. П. Левенок. Юхновская культура. СА, 1963, 3, стр. 92 (Таблица характерных признаков керамики разного времени).

¹⁷ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Никола Ленивец. СА, 1962, 1, стр. 231, рис. 7, 8; е е же. Огубское городище. КСИИМК XXXVIII, 1951, стр. 103; е е же. К этнической истории бассейна Верхней Оки. КСИА АН СССР, 107, 1966, стр. 12; Е. А. Шмидт. Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской обл. Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исслед. института. Смоленск, 1958, стр. 106, 107.

¹⁸ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 120; Г. П. Латышева и И. Г. Розенфельдт. Раскопки Барвихинского городища. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 84—86.

о верхних слоях, указывает, на «наличие узоров, известных по посуде роменского типа и также выполненных отпечатками веревочки, перевитой на палочке». Вместе с тем изменялась и форма сосудов. Появились более отогнутые наружу венчики и выпуклые плечики — элементы, отличающие роменскую керамику от слабопрофилированной посуды древних городищ¹⁹.

Читатель этих строк не может не заметить, что во всех приведенных выше случаях речь идет лишь о керамике с роменско-боршевскими элементами, и не более. Но это и понятно. Все указанные выше городища, как и другие городища мощинского характера, относятся к середине I тысячелетия. Их верхней хронологической границей является, по-видимому, VI в. И. Г. Розенфельдт допускает, что жизнь на Троицком городище продолжалась вплоть до VII в., так как «присутствие на Троицком городище посуды, близкой к роменской... позволяет ставить вопрос о более поздней дате»²⁰. Но это, конечно, не очень серьезное основание для датировки. Судя по многочисленным металлическим изделиям, жизнь на этом городище замерла в VI в.

Таким образом, керамику с развивающимися роменскими элементами, происходящую из городищ бассейна Верхней Оки, и посуду роменско-боршевских городищ отделяют два — два с половиной века. Выше речь уже шла о том, что эти века и у восточных славян, и у балтов представлены не городищами, а селищами, расположенными обычно на невысоких речных берегах. В Среднем Приднепровье — Левобережье и Правобережье — эти селища и сопровождающие их могильники с сожжениями характеризуются всеми признаками, присущими раннесредневековой славянской культуре. Севернее — в смоленском Поднепровье и на Верхней Оке с притоками — они принадлежали восточным балтам, уже в течение полтысячелетия, начиная с зарубинецких времен, находящимися в тесном контакте со славянами, приведшем в конце концов к ассимиляции балтов.

Селища третьей четверти I тысячелетия в бассейне Верхней Оки в настоящее время не только не изучены, но и мало известны, точно так же, как еще совсем недавно они оставались неизвестными в Среднем и Верхнем Поднепровье и поречье Десны. Следовательно, задача, которая здесь решается, — это «задача с одним неизвестным». Но ее положительное решение тем не менее представляется бесспорным, и какого-либо другого решения этой задачи не предвидится. Селища третьей четверти I тысячелетия, несомненно, очень скоро будут обнаружены и в бассейне Оки. Их материалы позволят изучить сложный процесс ассимиляции верхнеокских балтов и смешения их культуры с культурой продвинувшегося сюда славянского населения. Одним из итогов этого и явилось формирование здесь тех особенностей, которые характеризуют роменско-боршевскую группировку — группировку, строго говоря, уже не славянскую, а древнерусскую, поглотившую мощный восточнобалтийский субстрат.

И об этом говорит не только керамика, но и другие элементы культуры. Выше уже были упомянуты своеобразные «семейные» погребальные сооружения — курганы с деревянными «оградами», содержащие внутри ящики-домовины, куда помещались результаты кремаций в глиняных урнах. Еще в 1941 г. мной была высказана мысль, что в пределах западной части Волго-Окского междуречья в начале нашей эры был распространен обряд трупосожжения с последующим помещением результатов кремации в погребальном домике, подобном «домику мертвых», открытому на Березняковском городище, которое, как теперь вполне очевидно, является одним из наиболее восточных памятников середины I тысячелетия с элементами восточнобалтийской культуры. Недавно другой такой «домик», на этот раз полуземляночка с 24 сожжениями, был обнаружен Ю. А. и

¹⁹ И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища. СА, 1965, 1, стр. 191 сл.

²⁰ Там же, стр. 192.

Н. А. Красновыми на позднедьяковском городище около Звенигорода. Последующей ступенью в развитии этого погребального сооружения являются деревянные ящики-домики, скрытые под курганной насыпью, широко распространенные в бассейне Верхней Оки в мощинское время. Два таких кургана открыты на Кветунском могильнике на Десне, относящемся к третьей четверти I тысячелетия, и в некоторых других пунктах в Верхнем Поднепровье. Кольцевые деревянные «ограды», нередко находимые под полами мощинских курганов, очень напоминают «ограды» языческих святилищ Смоленщины, принадлежащих местному восточнобалтийскому населению второй половины I тысячелетия. Наконец, курганы с таким же точно устройством характеризуют роменско-боршевские древности VIII—X вв. как в бассейне Верхней Оки, так и на Верхнем Дону, на Десне и, по-видимому, в отдельных пунктах днепровского лесостепного Левобережья. Именно на этом основании еще 30 лет тому назад я предполагал, что роменско-боршевская культура сформировалась в области бассейна Верхней Оки и по его западной периферии и уже оттуда передвинулась к югу. Тогда же я высказал мысль, что «руководящая форма» средневековой культуры вятичей — их височное кольцо — сложилось на основе синтеза славянских височных колец с височными украшениями, снабженными трапециевидными подвесками, во множестве известными на Смоленщине и, как теперь очевидно, восходящими к балтийским традициям²¹.

В последнее время стала известна еще одна серия археологических материалов, так или иначе свидетельствующих об участии северных элементов в сложении роменско-боршевской древнерусской культуры. Речь идет о керамике из длинных курганов Смоленщины — области, непосредственно примыкающей с запада к верхнеокскому бассейну. Оказалось, что среди глиняной посуды этих курганов имеется такая, которая и по форме, и по орнаментации практически не отличается от роменско-боршевской. Такая посуда найдена во многих могильниках — около дер. Слобода Глушица, у деревень Цурковки, Шугайлова, Дрокова и др.²² Е. А. Шмидт сообщил мне, что в материалах из длинных курганов, исследованных им в последние годы и еще неопубликованных, «роменская» керамика имеется повсюду и что она одинаково характерна как для курганов VIII—IX вв., так и для курганов VII—VIII вв.

Другими словами, на Смоленщине роменско-боршевская керамика появилась на столетие раньше, чем роменско-боршевские городища распространились в области днепровского лесостепного Левобережья.

В заключение — несколько слов об этнической истории днепровского лесостепного Левобережья во второй половине I тысячелетия и о распространении в этой области роменской культуры.

Выше уже шла речь о том, что городищам роменско-боршевского типа в этой области предшествовали остатки более древней славянской культуры. По моему мнению, эта древняя культура принадлежала прямым потомкам раннеславянских зарубинецких племен, живших со второй четверти I тысячелетия по северной черняховской периферии, т. е. в самых северных областях Среднего Поднепровья и южных частях Верхнего Поднепровья — на Гомельщине, Могилевщине и в поречье Десны. В более северных областях Верхнего Поднепровья это население оказалось в тес-

²¹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 5, 1941, стр. 25, 41, 42, 49—53; его же. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 236—239, 294—297; Ю. А. и Н. А. Красновы. «Домики мертвых» на городище дьяковского времени. Археологические открытия, 1966, М., 1967, стр. 34—36; Л. В. Артышевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, 103, 1963.

²² Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Слобода Глушица. В кн. П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 184, 187; его же. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, 3; его же. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской обл. Материалы по изучению Смоленской обл., V, Смоленск, 1963, стр. 109.

ном контакте с местными восточнобалтийскими племенами, перемешалось с ними, ассимилировало их и в свою очередь заимствовало ряд специфических особенностей их культуры, в частности тех, которые характеризуют роменско-боршевскую древнерусскую группировку.

В послечерняховское время, в период «великого славянского расселения» потомки зарубинецких племен вместе с другими более западными славянскими группировками стали передвигаться к югу. Это было не переселение, а расселение в пределы более плодородных земель. В Среднем Поднепровье славяно-русские группировки заняли лесостепное Левобережье, территорию современной Киевщины, Поросье, бассейн Тясмина, достигли Надпорожья, заняли поречье Южного Буга. На юге они оказались, по-видимому, в рамках аптского объединения.

Спустя некоторое время вслед за ними вдоль днепровского Левобережья стали расселяться к югу и более северные древнерусские группировки, несущие с собой роменско-боршевские особенности. При этом они наслаивались на местное славянское население — те его группировки, которые не приняли участия в движении далеко на юг. В лесостепной полосе Левобережья, куда «роменцы» пришли на рубеже VIII и IX вв., они также наслаивались на своих предшественников и, так как это были родственные племена, вскоре перемешались с ними. Этим и объясняется известная пестрота роменской культуры в лесостепном Левобережье, которая, в частности, породила стремление выделить там наряду с роменской еще и особую волынцевскую культуру. Судя по погребальному обряду (бескурганые могильники с трупосожжением) и наличию в керамическом материале сосудов относительно раннего салтово-маяцкого облика, сделанных на гончарном круге, «волынцевцев» возможно рассматривать как потомков более ранних славянских группировок, в культуре которых роменско-боршевские (в данном случае северянские) элементы сыграли роль мощного суперстрата.

P. N. Trétiakov

SUR LES SOURCES DU GROUPEMENT «ROMENSKO-BORCHEVSKY» DE L'ANCIENNE RUSSIE

Résumé

L'un des groupements locaux de l'ancienne population russe à l'aube du moyen âge était celui du IX—X ss., établi sur la rive gauche du Dniéper; ce groupement a reçu dans la littérature archéologique le nom de «romenskaia» ou «romensko-borchevskaia». La particularité la plus frappante des antiquités de ce groupement est représentée par les tumulus, sous le remblai desquels on trouve des locaux en bois, avec des restes des incinérations et entourés d'enceintes. La poterie «romensko-borchevskaia» est non moins caractéristique, faite à la main et ayant un ornement géométrique peu compliqué. A la lumière des données nouvelles, obtenues en résultat des recherches archéologiques pendant les dernières années, on a pu établir indubitablement que les sources des deux particularités se trouvent au nord, dans la région des hautes Desna et Oka; ces particularités y ont apparu et existé pendant le premier millénaire de notre ère dans le milieu des tribus locales se rapportant à un les groupes des anciens Baltes. Pendant la période du peuplement de la partie nord-est du bassin de Dniéper par les Slaves et l'assimilation par eux de la population locale, ces particularités de la culture locale n'ont pas disparu, mais se sont conservées dans le milieu de l'ancienne Russie comme un héritage du substrat.

Pendant le troisième quart du premier millénaire de notre ère les originaires de la région des hautes Desna et Oka ont occupé la rive gauche du Dniéper Moyen, le haut Don et ont atteint le bassin du Donetz en laissant après eux des antiquités du type romensko-borchevsky.